



# Часть ТРЕТЬЯ

## Глава 1

Время оказалось для меня хорошим лекарством. Говорят, время всегда хорошо помогает против душевных ран, особенно если ты еще молод и способен жить будущим, оставив прошлое позади.

Один из парадоксов моей судьбы состоит в том, что во время заточения в «Вознесении» я отчаянно сопротивлялся попыткам переделать меня в другого человека и цеплялся за право оставаться собой. Но едва я покинул стены интерната, как смысл этой борьбы исчез. Никто больше не стремился насильно меня «вознести», во всяком случае, навязчиво. Мир жил своей жизнью, и мне, безо всякого принуждения, приходилось приспосабливаться к нему.

Все еще продолжая по инерции свою борьбу, я наотрез отказался, чтобы меня записали в число курсантов полицейской академии как «Алекса Сандерса». Но я все равно не был больше тем пятнадцатилетним Димитрисом Войцеховским, который бежал из Генераторного. Я ошибался, полагая, что интернат не изменил меня. Просто перемены были столь глубоки, что я не сразу осознал их. И с каждым следующим годом, который я проживал в Содружестве, я продолжал меняться дальше.

Я все яснее сознавал, что потерял свой старый дом и своих близких навсегда. В глубине души, конечно, все еще теплилась отчаянная надежда, что нам еще предстоит встретиться. Но с течением времени она ослабевала. Сидней стал моим новым домом, нравилось мне это или нет. А сам я стал другим человеком, как бы я ни пытался сделать вид, что это не так.

Вообще-то я не был склонен слишком часто философствовать. После того как я покинул стены «Вознесения», моя жизнь приняла удивительно монотонный характер, и оказалась заполнена приземленными, прагматичными вещами: насыщенными учебными буднями в полицейской академии, где из меня готовили отнюдь не мыслителя; постоянными тренировками и соревнованиями, которые тоже не располагали к излишней задумчивости; редкими минутами отдыха и незатейливых развлечений, которые также не были исполнены глубокомыслия.

После ужаса, который я испытал в пятнадцать лет, разом перевернувшего мой мир с ног на голову, судьба, казалось, смилостивилась надо мной и избавила от крутых поворотов. Время начало лететь так быстро, что я, казалось, просто не замечал его. Оглядываясь назад, я мог выделить среди равномерных будней лишь отдельные моменты, которые крепко запечатлелись в моей памяти.

\* \* \*

Лето 2079-го запомнилось, главным образом, поездкой в Перт и недельным пребыванием под крышей дома Мэтьюзов. Мэтьюзы действительно называли это «домом», и в определенной степени это отвечало действительности – их таунхаус,

находящийся на четвёртом уровне respectable низкоэтажного жилого комплекса в «зелёной зоне» Перта, имел собственный выход на террасу и даже маленький клочок земли, на котором хозяйка устроила клумбу с живыми цветами.

Родители Дженет оказались, к сожалению, именно такими, как я их себе представлял.

Им обоим перевалило за пятьдесят – видимо, они зачали дочь уже в зрелом возрасте, как принято у зажиточных семей в развитых странах. Ральф Абрахам Мэтьюз был невысоким, полным мужчиной с красным округлым лицом, коротким носом-пяточком и маленькими глазками, которые, как я быстро смог убедиться, смотрели на мир сквозь призму такого количества штампов и предубеждений, что из них можно было составить настоящую энциклопедию современного обывателя. Он черпал все свои познания о мире из нескольких «благопристойных» новостных каналов и из общения с такими же надутыми индюками, как он сам, но был столь твердо убежден в абсолютной правильности своих узколобых консервативных взглядов, что спорить с ним было совершенно бесполезно.

– Ну что ж, – глядя на меня снизу вверх из-за своего роста, но отнюдь не из-за недостатка самомнения, произнес вместо приветствия Мэтьюз. – Моя дочь много о тебе рассказывала.

– Рад познакомиться с вами, мистер Мэтьюз, – произнес я, пожимая толстые пальцы австралийца со всей возможной почтительностью. – Димитрис Войцеховский.

Я полагал, что больше двух лет жизни в англоязычной среде, без единого собеседника, владеющего моим родным языком, помогли мне совершенно избавиться от акцента. Но реакция мистера Мэтьюза на мое приветствие развеяла это заблуждение. Отец Дженет даже не попытался скрыть, что звучание моего голоса, не говоря уже об имени, режут ему слух, словно скребки мела по доске. Назовись я «Алексом Сандерсом», я бы кое-что выиграл в его глазах, но вряд ли даже это спасло бы ситуацию. Мой акцент напомнил о том, что я всего лишь жалкий беженец, обкрутивший его дочь, чтобы заполучить себе тепленькое местечко здесь, в *его* Австралии. А ведь он таких ненавидел!

– Называй меня просто Ральф, – произнес он, всем своим видом показывая, что это всего лишь жест вежливости, и мне не стоит воспринимать это всерьез. – Значит, ты собираешься работать в полиции?

В тоне Мэтьюза слышалось откровенное недоверие. Даже не знаю, какой ответ больше разочаровал бы его – «нет» или «да». Первый вариант означал бы, что хахаль его дочери совершенно никчемный, как и следовало ожидать. Второй – что в полицию нынче набирают кого попало. Пожалуй, второе было даже хуже, и я не сомневался, что Ральф этим же вечером разразится разгромным постом в социальной сети, озаглавленным «Господи, вы хоть представляете, кто нынче охраняет порядок на улицах Сиднея?!».

– Да, Ральф, – подтвердил я правдивость его опасений.

– Что ж, это благородное дело, – подавив вздох, выдал из себя он.

«Я не верю, что ты окажешься достойным этого дела. А тем более моей дочери», – говорила гримаса на его лице. Однако мистер Мэтьюз не принадлежал к числу людей, которые способны высказать все, что они думают, в лицо человеку, который выше их на десять дюймов.

– Ну что ж, давайте пройдем в дом, – гостеприимно предложила его супруга, Синди Мэтьюз.

Первый совместный обед (как и все последующие) прошел в натянутой атмосфере, несмотря на старания несчастной Джен как-то это изменить. Девушка долго не сдавалась и всячески пыталась втянуть всех в общий разговор и установить между нами симпатию: то всячески расхваливала меня, то вспоминала истории из детства, которые в выгодном свете представляли ее родителей.

Наблюдая за тем, как Дженет общается с матерью и отцом, я убедился, что Мэтьюзы, в сущности – нормальная, крепкая семья. Джен любила своих родителей, а они души не чаяли в своей единственной дочери. За плечами у них было немало трогательных семейных моментов, которые им приятно было вспомнить. Однако я был здесь чужим, и не только потому, что я тут новый. Человек, которого зовут «Димитрис Войцеховский», никогда не станет полноценным членом этой семьи. Не смог бы, даже если бы захотел.

Из разговора за столом я понял, что мистер Мэтьюз уже более двадцати лет работал в департаменте охраны труда в Австралийской железнодорожной корпорации, дослужившись за это время от простого специалиста до «старшего менеджера, второго человека во всем департаменте» (цитата с его слов). Его супруга Синди была администратором супермаркета, находящегося в нескольких кварталах от их дома, однако по манере своего поведения эта худая блондинка более походила на типичную домохозяйку. Синди родилась в Перте, а Ральф был коренным англичанином, который, благодаря хорошим связям его отца в британском Форин офис, прибыл на австралийскую землю с первой же волной эвакуации еще в 2056-ом, и сразу же получил статус резидента. Они не изъявляли желания послушать, где провел свое детство я и кем были мои родители, так что от этих подробностей я их избавил.

– Я слышала, ты получил образование в этом колледже, как его – «Вознесение», да? – вежливо поинтересовалась у меня миссис Мэтьюз. – Я слышала, это замечательное место.

«Благодари бога, что твоя дочь не получила образование в этом «замечательном месте», – подумал я. Однако ответил, конечно же, вежливо и с улыбкой:

– Это был для меня очень ценный опыт, Синди. Но не могу сказать, что я получил от этих лет большое удовольствие. Мне показалось, что порядки там слишком строгие.

– Ничего страшного! – махнул рукой мистер Мэтьюз. – Строгость – отличная школа для мужчины! Особенно для мужчины, который собирается надеть на себя мундир офицера полиции. Это большая ответственность. Большие ожидания, которым необходимо соответствовать...

– Я уверена, что Дима справится с этим, папа, – мягко прервала начавшуюся тираду Джен.

«Сомневаюсь», – красноречиво ответил взгляд Мэтьюза.

– Хотите еще фокаччо? – нарушил молчание доброжелательный голосок Синди.

Неделя, проведенная в Перте, не показалась мне тягостной и утомительной лишь потому, что «Вознесение» учит ценить каждый глоток свежего воздуха и каждый день, проведенный на свободе. Три семейных мероприятия, в которых я принял участие по настоянию Джен (пикник в парке, игра в боулинг и поход в виртуальный кинотеатр) прошли все в той же натянутой атмосфере и не принесли большого удовольствия никому из участников. Однако я,

по крайней мере, не сидел взаперти в стенах интерната, а пренебрежительное отношение родителей моей девушки не способно было испортить ощущение свободы. Мэтьюзы тоже долго и мужественно держались, выдавливая из себя улыбки и вежливые слова, и даже стойчески перенесли унижительную необходимость объяснить своим соседям, что за парень у них гостит, и назвать соседку мое имя. Взрыв произошел лишь на седьмой день, когда Дженет, наивно считавшая, что между мной и ее родителями установилось некое взаимопонимание, объявила, что с 1-го сентября мы с ней собираемся жить в Сиднее вместе. Я даже не подозревал, сколько раздражения накопилось в душе ее отца до тех пор, пока Ральф не выплеснул его все, ошарашенный и разъяренный обрушившейся на него новостью.

– ... не позволю, чтобы моя дочь жила с каким-то бродягой! – орал Мэтьюз, в ярости топая ногами и тыкая пальцем в мою сторону, однако обращаясь к дочери, будто я при сцене не присутствовал. – Пусть он вначале получит статус резидента, а потом подбивает клинья к моей дочери!

– При чем здесь резидентский статус к нашим отношениям?!

Едва ли не первый раз в жизни я был свидетелем того, как Дженет вышла из себя и повышала голос, да еще и на собственного отца.

– Да очнись, наконец, Дженет! Для чего мы с мамой холили и лелеяли тебя все эти годы?! Ты ведь такая умница и красавица, любой *нормальный* парень из-за тебя потеряет голову! Да за тобой ведь половина школы бегала. И твои сокурсники из университета, приличные парни, будущие врачи. А кого выбрала ты?!

– Чем так плох Дима?!

– ЧЕМ?! Сирота из интерната, беженец из этого проклятого Альянса! Нерезидент!

– Господи, папа, как ты можешь говорить такое?! Я люблю его!

– Что? *Любовь*?! – фыркнул Мэтьюз. – Ты же такая умная девочка, Дженни. Не веди себя, как упрямый подросток! Неужели ты не понимаешь, что на уме у таких людей, как он?

– Право же, – наконец сумел вставить слово я, все это время сохраняя стоическое спокойствие. – Я не стою того, чтобы вы из-за меня ссорились.

– Это точно! – взревел, как носорог, Ральф Мэтьюз.

– Я очень разочарована, отец, – констатировала Джен, уничтожающим взглядом глядя на отца. – Ты говоришь, как средневековый варвар. Это просто ужасно.

– Ральф, Дженни говорит правильно, тебе не стоило поднимать такой крик, – ради приличия пожурив мужа Синди, и тут же обратила обеспокоенный взгляд на дочь, тем самым показав, что она солидарна с супругом. – Папа волнуется, но мы ведь хотим для тебя как лучше, милая. Мы просто беспокоимся, что твое решение несколько поспешное...

– Я уже в состоянии сама принимать такие решения, мама, – твердо произнесла Дженет. – А если вы будете вести себя подобным образом, то все последующие каникулы я буду проводить в Сиднее, а не тут.

– Ты еще не такая взрослая, чтобы говорить так со своими родителями! – вновь вступил в бой мистер Мэтьюз. – Я именно тот, кто оплачивает твое обучение, и общежитие, в которое ты собираешься подселить беженца, и не говори мне, что это не мое дело!

– Ах так?! – яростно выдохнула Дженет. – Ты шантажируешь меня?!

Мне казалось, что эта ссора никогда не закончится.

Собирая тем вечером свой чемодан, я слышал сквозь приоткрытую дверь еще один разговор – Синди, перехватив свою дочь в коридоре по дороге в спальню, пыталась переубедить ее несколько более мягкими словами, нежели отец.

– Милая, я хочу еще раз извиниться за поведение отца.

– Он был просто несносен.

– Знаю, мой птенчик, знаю. Но ведь и ты, согласишься, немного завелась. Нам просто нужно было найти в себе больше терпения, сесть и спокойно обсудить это, без *посторонних* глаз.

– Я не представляю себе, что здесь обсуждать, мама.

– Девочка моя, я ведь никогда не скрывала от тебя, как все обстоит между мужчинами и женщинами. Папа стесняется этой темы, но я ведь рассказала тебе, что к чему, еще когда тебе было девять, как советуют психологи. Сексуальная жизнь – это нормальная часть человеческой жизни.

– Mam, к чему это?

– Я к тому, что ты уже взрослая девушка, ты испытываешь определенные природные потребности, а этот... м-м-м... Дмитриус – симпатичный, хорошо сложенный молодой человек, он вызывает у тебя желание. Здесь нечего стесняться. Я прекрасно понимаю тебя как женщина. У меня самой первый сексуальный опыт был в четырнадцать...

– Mam! Зачем мне это слушать?!

– Я просто пытаюсь объяснить тебе, что сексуальные желания не всегда рациональны, и, даже если мы им поддаемся, их нельзя путать с чем-то более серьезным. Ты можешь иметь мужчину, и тебе может быть хорошо с ним в постели, но это не значит, что ты должна жить с ним и строить семью. Это совсем разное.

– О Боже, мам, это совсем не то! – возмутилась Дженет. – Все эти глупости, о которых ты говоришь, здесь совсем ни при чем. Мы с Димой знакомы уже почти пять лет. У нас все серьезно. Мы любим друг друга, понимаешь?

– О, доченька, я когда-то была такой же, как ты. Тоже любила высоких и сильных мужчин, особенно военных, полицейских и пожарников, которые похожи на героев всех этих кинофильмов. Едва увидела такого, как мне казалось, что это любовь. Но настоящая любовь пришла ко мне лишь после тридцати. Она оказалась ростом в пять фунтов и три дюйма, часто брюзжащей и с пивным пухом. И все же это была любовь.

– О, мамочка, – сокрушенно покачала головой Дженет. – Ты совершенно не понимаешь, как я отношусь к Диме.

Мне оставалось лишь грустно усмехнуться и прикрыть дверь.

В поезде, везущем нас обратно в Сидней, мы довольно долго хранили молчание. Я просто слушал музыку, а Дженет ерзала на своем кресле и косилась на меня виноватым взглядом. Казалось, она то и дело собиралась снова завести разговор о том, что случилось в Перте, но не знала, с чего начать, и, кроме того, считала неприличным вести такие беседы при других пассажирах. Мне было искренне жаль девушку, попавшую между двух огней.

– Не беспокойся, Джен, – заверил ее я, когда мы сошли с экспресса в сиднейском транспортном терминале. – Я ведь собираюсь жить с тобой, а не с твоими родителями.

– Все это должно было произойти совершенно иначе, – расстроено ответила девушка. – Прости, что они оказались такими несносными. Я была уверена, что они поймут.

– И что теперь? – поинтересовался я.

Угроза, которую невзначай обронил мистер Мэтьюз относительно оплаты ее обучения в университете, казалась мне достаточно серьезной, чтобы Джен, со свойственной ей осторожностью, не стала усугублять отношения с родителями. Обучение врача было одним из самых дорогостоящих среди всех профессий и стоило больше полумиллиона фунтов. Чета Мэтьюзов скопила кое-что за двадцать лет работы и создала фонд, чтобы оплатить образование дочери, но, оставшись без их поддержки, она просто не сможет оплачивать учебу, даже если устроиться где-нибудь официанткой или оператором call-центра. Впрочем, мне сложно было оценить, насколько серьезен был Ральф Мэтьюз, произнося эти слова.

– Мы ведь все уже решили, верно? – гордо подняв голову, удивила меня Дженни.

– Я бы не хотел, чтобы у тебя были из-за этого проблемы с родителями.

– Не будет. Я их единственная дочь. Им придется смириться с моим выбором.

– Что ж, – улыбнулся я, обняв свою девушку. – Если ты в этом уверена.

Мы уже подыскали квартиру, подходящую для молодой пары, в Студенческом городке, от которого нам обоим будет удобно добираться на учебу. Аренда стоила две тысячи фунтов в год, не считая коммунальных услуг, которые могут обойтись еще столько же, и надежды Дженет, что ее родители помогут ей с этим, не оправдались. Однако мы оба рассчитывали на стипендию, а у меня все еще оставались сбережения родителей. В крайнем случае, мы сможем найти подработку, как многие студенты, хотя Джен и считала, что такое серьезное обучение, как медицинское, нельзя совмещать с ночным трудом в каком-нибудь баре.

– Все у нас будет замечательно, – заверила меня Джен.

\* \* \*

Наша квартира-студия всего лишь на 10-ом этаже одного из жилых комплексов эконом-класса в Студенческом городке оказалась довольно просторной – двадцать метров квадратных, не считая собственного отдельного санузла (непрерывное требование Дженет), занимающего еще пять метров. Благодаря современному минималистическому дизайну и эргономичным решениям, таким как кровать, выдвигающаяся из стены, площади было столько, что я задумался о том, не обзавестись ли мне кое-каким спортивным инвентарем.

Сама мысль о том, что я могу приобрести что-то без разрешения и поставить его там, где мне хочется, была для меня чем-то новым и необычным. Я мог теперь купить себе тапочки на свой вкус и ставить их там, где считал нужным. А еще мог застилать постель кое-как или вовсе этого не делать. Не говоря уже о том, что я мог есть когда захочу и что посчитаю нужным. Да я мог бы устроить здесь настоящий бардак, если бы пожелал! Хотя я и понимал, что не буду этого делать. Мое сознание противилось этому после того, как родители обучили меня аккуратности и любви к чистоте, а затем эти основы забетонировали армейскими

порядками интерната. Да и Дженет, с которой мне предстояло делить эти стены, не любила грязи и беспорядка.

Перспектива того, что мы будем жить здесь всего лишь вдвоем, без чьего-либо контроля и присмотра, показалась мне необычной и захватывающей. За восемнадцать лет жизни у меня не было ничего подобного, а последние годы и вовсе были полной противоположностью этого. Это было именно то, о чем мы фантазировали все эти годы, долгими вечерами общаясь по видеосвязи, когда Джен была еще школьницей в ее родном Перте, а я был жителем занесенного снегом Генераторного.

Находишь я все еще под попечительством муниципалитета, как большинство моих товарищей по «Вознесению», служба по делам несовершеннолетних ни за что не разрешила бы мне жить здесь. Но моим опекуном был Роберт Ленц, и он с удовольствием поставил все необходимые подписи, пошутив, что иначе ему пришлось бы навсегда переоборудовать свою гостиную в мою спальню.

– Как жаль, что вы этого не видите, – обратился я к своим родителям, включив, по своему обыкновению, диктофонную запись, хотя я уже и понимал, что вряд ли они когда-нибудь прослушают все эти десятки часов записей. – Мне пришлось преодолеть кое-какие трудности, но теперь я наконец тут, и все это выглядит почти как мои детские мечты. Я, конечно, не смог поступить в воздушную академию, но полицейская – это, наверное, тоже не так плохо. И я вместе с Дженет, как мечтал. Это прекрасно. Но знаете... я все это отдал бы, чтобы снова оказаться с вами. Чтобы бы были здесь, со мной. Или даже чтобы все было так, как раньше...

– Дима? – позади открылась дверь душа, возвещая меня о том, что Джен закончила с этим. – У нас там какой-то странный запах из вентиляции, ты не заметил?

– Скучаю по вам, – по традиции окончил я запись и выключил диктофон.

\* \* \*

Полицейский департамент Сиднея (SPD) был, пожалуй, ярчайшим примером организации, название которой не имеет совершенно ничего общего с содержанием. Ни одно из трех слов в ее названии не отражало сути того, чем она являлась.

Ненасытный Гигаполис давно сожрал то, что когда-то было красивым австралийским городом Сидней, компактно заселив территорию, где когда-то проживали три миллиона людей, еще тридцатью миллионами, и сделав столицей современного мира. Для поддержания порядка и безопасности этого чудовищного псевдогосударства, лишь номинально являющегося частью Австралийского союза, требовалось нечто намного большее, чем полиция. По состоянию на 2079-ый год в штате SPD работало 200 тысяч сотрудников, из которых 130 тысяч носили мундиры офицеров полиции. Когда кто-то называл «департаментом» структуру, превышающую по численности большинство армий старого мира, это было не более чем данью традиции. Так же условно было и слово «полиция».

В 2077-ом году Сидней возглавил Уоррен Свифт, бывший верховный комиссар полиции. Он начал свой путь с простого патрульного после того, как служил в Австралийской национальной гвардии в Темные времена. 46-летний Свифт победил своего более опытного соперника, бывшего мэра, за счет

обещаний, данных во время предвыборной кампании, вести более жесткую и бескомпромиссную борьбу с нелегальной миграцией и проникновением преступности из «желтых зон». Избиратели были напуганы тем, что происходило за пределами их города, и хотели видеть при власти сильного человека, такого себе Протектора в миниатюре, способного защитить их от этих угроз.

Выполняя свои обещания, Свифт принял судьбоносный указ, названный позже его фамилией. Указ Свифта предусматривал кардинальное увеличение бюджетных ассигнований на содержание правоохранительной системы путем повышения ставок некоторых местных налогов. За счет дополнительных средств предписывалось создать муниципальное спецподразделение по борьбе с терроризмом и нелегальной миграцией («Стражи»), увеличить штат полиции на 30% и ускорить программу оснащения полиции новейшими техническими средствами.

Однако Указ Свифта предусматривал и более радикальный шаг, спровоцировавший нешуточный политический скандал и ряд судебных тяжб. Речь идет о предоставлении SPD «экстерриториального мандата» с целью проведения «упреждающих операций по борьбе с преступностью» по ту сторону Социальной линии в тех случаях, когда локальные органы правопорядка «выполняют свои функции недостаточно эффективно». В переводе на человеческий язык это означало, что полиция Анклава получала право совершать вооруженные рейды в окружающие город фавелы.

Потери в рядах SPD возросли, по крайней мере, втрое с того дня, как Свифт вступил в должность мэра. Однако введенная мэром надбавка за риск, существенно увеличившая зарплаты, уравновесили негативное восприятие полицейскими своих новых обязанностей.

В отличие от вооруженных сил, личный состав которых, как полагается, подразделялся на рядовой, сержантский и офицерский состав, в полиции Сиднея работали исключительно офицеры, получившие пятилетнее высшее образование в полицейской академии. Почти во всем Содружестве достаточно было пройти курсы подготовки, длящиеся от полугода до двух лет, чтобы стать рядовым сотрудником правоохранительных органов. Но только не в Гигаполисе. Высокий профессионализм и выучка полиции были одной из визитных карточек Анклава еще до того, как его возглавил Свифт.

Поэтому, в отличие от выпускников военных академий, которым при получении диплома присваивалось звание лейтенанта, в полиции требовалось проработать много лет, чтобы дослужиться до аналогичного звания.

Всего в полиции Сиднея было пять званий:

- офицер / детектив;
- сержант / сержант-детектив;
- лейтенант / лейтенант-детектив;
- капитан / капитан-детектив;
- комиссар.

Каждое звание имело три ступени (от младшего до старшего), за исключением звания комиссара, которое также имело четвертую ступень – верховный. Как правило, прохождение одной офицерской ступени занимало один год, сержантской – полтора, лейтенантской или капитанской – два, комиссарской – три.

Таким образом, новобранец полиции Сиднея, окончивший академию в двадцать два года и нормально продвигающийся по службе, в теории должен был